

ЛЮДИ И РЕСУРСЫ

УДК 316.773

НЕФТЬ, МАРГИНАЛИЗАЦИЯ И ВОСТОЧНЫЕ ХАНТЫ¹

Эндрю Вигет, Ольга Балалаева

Аннотация. Развитие нефтяной отрасли в Сибири имело серьезные последствия для ханты Сургутского района Ханты-Мансийского автономного округа – Югра (ХМАО). Переход к правовому и экономическому подходу в вопросах владения землей и землепользования, приведший к превращению прав владения и пользования землей в товар, усилил процессы политизации хантов, общественной дезорганизации и консьюмеризма, а также зарождающегося классицизма, основанного на относительном неравенстве доходов от компенсационных договоров. Одновременный развал советских структур, формально организовывавших жизнь хантов, усугубил эти последствия. Все это произошло в пределах жизни одного поколения. Столь резкие изменения условий привели к сбою или разрыву между объективными условиями мира и сформированными культурным контекстом особенностями человека, что вызывает широкую тревогу среди хантов, оказывая воздействие не только на формирование чувствования и морали в контексте их культуры, но и осмысленности. Религиозные практики, связанные с землей и поддерживающие экономику охоты, рыболовства, выпаса животных у восточных ханты, также утратили свое значение, уступая дорогу эффективному и неоднозначному обращению их в веру протестантскими евангельскими конфессиями. Несмотря на идеологическое сопротивление аккультурационному давлению, которое время от времени принимало формы борьбы за возрождение и нативизма, и то, что финансируются программы советского типа по сохранению особых элементов культуры, такие резкие изменения делают очевидным тот факт, что при своем тысячелетнем опыте сообщества восточных хантов и существовавшие обособленно культурные образования, остававшиеся более или менее не тронутыми в течение первых пяти десятилетий советской эпохи, в настоящее время необратимо трансформируются и близки к краху.

Ключевые слова: ханты, нефть, земля, маргинализация, сценарии резких изменений, антропология развития

Роли нефтегазовой промышленности в постсоветской России посвящена чрезвычайно обширная литература, включающая также научные исследования по воздействию нефтяного освоения на северные народы (Wiget and Balalaeva 1997, 2010; Уигет 1999; Мархинин, Удалова 2002; Stammler 2013; Stammler, Forbes 2006; Stammler, Wilson 2006; Хакназаров 2006, 2011; Логинов 2007; Нефть, экология, культура 2008; Бобылев, Григорьев и др. 2010; Вавер 2012). Значительная часть публикаций на эту тему представляет массивы статистических данных, в которых человеческое измерение локального воздействия неизбежно те-

руется. В данной статье, основанной на двадцатилетней исследовательской работе авторов в западносибирском регионе, говорится о воздействиях такого типа с использованием материалов, ранее не публиковавшихся.

В то время как российская экономика прирастала плодами западносибирского нефтяного бума, для хантов и их исконных земель со всеми природными богатствами, которые находятся на земной поверхности, и которые во все обозримые времена доставляли этому народу пищу, кров, одежду и наличные деньги, социально-культурные, экономические и экологические последствия такого бума оказались сокрушительными. Стратегии, призванные обеспечить непростое сосуществование нефти и хантов, ненамного отличаются от известных сценариев индустриального развития в других странах.

Крах Советского Союза обернулся катастрофой для коренного населения Западной Сибири. К 1989 г. начался нефтяной бум. Ханты-Мансийский автономный округ производил почти миллион тонн нефти ежедневно. Число жителей Ханты-Мансийска, столицы округа, составлявшее в 1990-е порядка 35 тыс. чел., выросло к 2010 г. более чем в два раза (80 151 чел.), но и в других нефтепроизводящих городах округа количество горожан увеличивалось с космической скоростью. Так, население Нефтеюганска, места рождения компании ЮКОС, сегодня насчитывает более 120 тыс. чел. Численность жителей Нижневартовска, где начался нефтяной бум, с момента получения им статуса города в 1972 г. увеличилась на порядок. Еще более драматичные изменения произошли с Сургутом. Городу потребовалось 375 лет с момента его основания в 1594 г., чтобы его население превысило отметку в 10 тыс. чел. В связи с этим советская административная система и присвоила ему в 1968 г. статус города. Сорок лет спустя численность населения Сургута, большая часть которого связана с производством нефти, превысила 300 тыс. чел. и продолжает расти быстрыми темпами. Коренных же жителей (восточные ханты, говорящие на сургутском диалекте хантыйского языка) в Сургутском районе насчитывается всего около 3 тыс. чел., половина из которых, как и прежде, живет в тайге (Итоги Всероссийской переписи населения 2012).

Нефтяное развитие в Западной Сибири пережило три исторических этапа: советская эра командной экономики и централизованного управления, годы перестройки и хаос, воцарившийся между появлением новой Конституции «сильной исполнительной системы» 1993 г. и экономическим крахом августа 1998 г. Сейчас начался четвертый этап, который, видимо, правильно отождествлять с укреплением вертикали власти. На этом этапе в чрезвычайно подвижном социополитическом контексте незрелых юридических институтов регионы оказались затерты

между расползающейся макроэкономикой и выплывающими микроэкономиками.

Нельзя отрицать, что путинская административно-законодательная консолидация принесла свои плоды и, в свою очередь, уже к 2007 г. укрепила промышленность и региональные бюджеты. Если, однако, посмотреть на картину с точки зрения экологической безопасности, то в терминах и критериях теории менеджмента окружающей среды Ансоффа и Макдонелла ситуация в Западной Сибири попадает где-то между категориями «Прерывистая» (уровень 4), и «Удивительная» (уровень 5) (таблица) (Ansoff, McDonnell 1990). Если язык схемы перевести на общедоступный, то это означает, что на государственном уровне старые стратегии управления, которые при всех своих недостатках все-таки обеспечивали его, больше не позволяют не только контролировать производственные факторы, но и бесполезны в отношении сколь бы то ни было эффективной интеграции функций государства, общества и рынка.

Возмущение в развивающейся среде (Ansoff, McDonnell 1990)

Возмущение среды	Повторяющееся	Расширяющееся	Изменяющееся	Прерывистое	Удивительное
Сложность	Национальное	Национальное	Региональные технологии	Региональное. Социально-политическое	Глобальная экономика
Обычность событий	Обычные	Экстраполируемые		Прерывистые. Обычные	Прерывистые. Необычные
Скорость изменений	Медленнее чем ответ		Сопоставимо с ответом		Быстрее чем ответ
Обозримость будущего	Повторяющееся	Прогнозируемое	Предсказуемое	Частично предсказуемое	Непредсказуемые неожиданности
Уровень возмущения	1 Низкий	2	3	4	5 Высокий

Начиная с 2000 г. и, более конкретно, с «дела» ЮКОСа, правительство РФ руками двух монополистов, Газпрома и Роснефти, утвердило мало-помалу контроль над производством, очисткой и распределением нефти, убив при этом двух жирных зайцев. Во-первых, теперь стало невозможным накопление таких капиталов, которые позволили бы бросить вызов авторитету государства, а во-вторых, наоборот, стало возможным собрать все недоимки в государственную казну. На местном же уровне отношения между этими элементами имеют традиционно, как показывает опыт нашей более чем двадцатилетней работы в реги-

оне и журналистские расследования экспертно-информационного канала «Чиновник.ру» (Чиновник.ру), неофициальный характер. Личные связи между представителями местных администраций и «капитанами» промышленности играют даже большую роль, чем при советской власти. Для коренного населения эта ситуация транслируется следующим образом – им остаются маленькие местные, городские и поселковые рынки, не сообщающиеся с национальной или международной торговлей, где все также строится на личных отношениях.

Накопительный эффект деградации физической среды оказался разрушительным для тех природных ресурсов, которые снабжают хантов пищей, одеждой и наличными деньгами. Когда читаешь о богатых рыбных промыслах на Средней Оби, которые оставались таковыми еще до 1970 г., поражает масштаб потерь. Сегодня большинство рыбопродуктов, потребляемых в главных городах Югры, импортные. Браконьерство и постоянно растущий спрос на мясо, вызванный необходимостью кормить нефтяные вахты в отдаленных районах, привели к сокращению поголовья лосей и дикого северного оленя. Домашние олени также находятся под угрозой, и не только в результате браконьерства. Хантыйская женщина из Тромьеганского района, особенно пострадавшего в средовом отношении в 90-е (Сургутнефтегаз), рассказывала, что ее зять потерял целиком свое оленье стадо в 100 голов вследствие того, что олени пили загрязненную воду (фото 1, 2).

Фото 1. Вред, наносимый окружающей среде.
Нефтяное месторождение возле г. Покачи, 1994 г. Фото авторов

Фото 2. Выжигание нефти с почвы как метод ликвидации аварийных разливов в Сургутском районе часто приводит к лесным пожарам и уничтожению оленьих пастбищ, 1994 г. Фото авторов

Священные места и другие важные компоненты культурного ландшафта были разрушены или изменились почти до неузнаваемости. Нефтяное освоение бесспорно оказало и оказывает воздействие на духовную жизнь и религиозные практики хантов. Непосредственное воздействие достигается, например, исключением или ограничением доступа к религиозно значимым компонентам культурного ландшафта, таким как места погребений, жертвоприношений, священные места – природные, маркированные священным преданием, среди которых возвышенности, высокие берега, мысы, речные пески, священные рощи, верховья рек и места слияния рек, священные лабазы, а также археологические памятники.

Приезжающие на рыбалку нефтяные рабочие оборудовали себе лагерь на берегу Тромъёгана у подножья холма, известного местным хантам как Торым-Кот, Дом Небесного бога. Это религиозно-ритуальное место регулярного паломничества и традиционных обрядовых практик

(например, сюда приезжали ханты-молодожены). Вершина холма поросла деревьями, среди которых выделялась высокая береза – священное дерево, по преданию, печная труба дома одного из верховных богов. На ветвях деревьев висели жертвенные олени шкуры и куски ткани – *приклады*. Холм был вандализирован предприимчивыми рыбаками, многие деревья срублены.

Другой говорящий пример – это холм под названием Ими-Яун, Мать рек, расположенный к северу от тромьёганской деревни Русскинская. Несмотря на публичные возражения коренного населения, холм был срыт. Все, что осталось на сегодняшний день, – это открытый карьер почти в километр длиной, полкилометра шириной и почти десять метров глубиной (фото 3). Подоплека этой истории – не идеология и не хулиганство, а казенный бюрократический прагматизм, способный уничтожить все природные священные места северной цивилизации. В бассейне Оби немногие существующие возвышенности – главный резерв песка, используемого для строительства приподнятых дорожных полотен, бурения и сооружения площадок, которые необходимы как часть инфраструктуры, связанной с расширением нефтедобычи. В наш приезд в тромьёганский район в 1992 г. геолог упомянул об этих песчаных залежах как о «нашем богатстве».

Фото 3. Возле г. Когалыма. И.А. Сопочин показывает место, где раньше был священный холм Ими-Яун, к которому приезжали молиться ханты восточной части округа. Теперь это песчаный карьер. Фото авторов

Ханты-Мансийский автономный округ – Югра стал в период перестройки полигоном серьезных политических экспериментов. Сейчас, два десятилетия спустя, приходится заключить, что указанные эксперименты хотя и проводились энергией и волей людей, верящих в благотворность близких перемен, и были, бесспорно, продиктованы добрыми намерениями, также имели непредвиденные и непросчитанные негативные последствия. 5 февраля 1992 г., несмотря на сопротивление делегатов, представляющих нефтяные интересы, Совет народных депутатов ХМАО, подвигнутый к действию масштабами уничтожения традиционных культур северных народов и очевидной необходимостью по крайней мере частично компенсировать урон, утвердил «Положение о статусе родовых угодий в Ханты-Мансийском автономном округе», за которым последовали документ «О механизме внедрения Положения о статусе родовых угодий в Ханты-Мансийском автономном округе» и Указ, выпущенный главой администрации ХМАО А. Филипенко 27 февраля 1994 г. (Статус малочисленных народов России 1994). Принятие этих законов привело в движение юридический процесс официального определения границ семейных охотничьих территорий (родовых угодий) и выдачи правительственных актов, подтверждающих, что право пользования этими землями принадлежит семьям, живущим на них.

Этот юридический процесс начался довольно быстро: согласно статье 21 уже упомянутого Положения, нефтяная компания, стремящаяся осваивать подземные ресурсы на семейных охотничьих угодьях коренного населения, должна была получить письменное разрешение от главы семьи еще до начала разведки или производства. Статья 22 того же Положения требовала внятного экономического соглашения, одобренного уполномоченным представителем административной власти, между владельцем угодий и промышленной компанией. Экономическое соглашение определяло (1) период и условия работ, проводимых на данной территории, (2) полную компенсацию за все потери, связанные с освоением, (3) заранее оговоренный и согласованный раздел доходов от освоения территории и, наконец, (4) арендную плату за использование земли (Статус малочисленных народов России, документ № 319). Два месяца спустя президент Ельцин подписал Указ № 397 от 22 апреля 1992 г. «О неотложных мерах по защите мест проживания и хозяйственной деятельности малочисленных народов Севера», в котором также указывалось на необходимость установления границ земельных участков коренного населения и получения согласия хозяев угодий до отчуждения земли. Сегодня уже накопилось достаточно материала, чтобы можно было ответить на вопрос о том, что данные экономические соглашения означали для хантов.

Один из первых конфликтов, связанных с новой политикой, произошёл во время стремительного освоения Тянского нефтяного место-

рождения на севере Сургутского района, захватывающего верховья рек Тромъёган и Пим (нефтедобывающая компания Сургутнефтегаз). Там произошло прежде небывалое – громкие публичные протесты коренного населения, включающие такую демонстративную акцию, как установление чума на автодорожном мосту. Несмотря на это, работы по освоению месторождения продолжались. Стихийный референдум, организованный коренным населением Тяна, показал единодушное нежелание тромъёганских хантов жить по навязываемым им правилам. Районная власть, оробевшая вначале от жестов политической воли «младшего брата», быстро предприняла ответные шаги – результаты референдума были признаны недействительными, а административные границы района изменены так, что во время нового официального референдума голосующим большинством было уже население нефтяных районных центров, материально заинтересованное в развитии промышленного проекта.

Во время летней экспедиции 1994 г. мы взяли интервью у коренной жительницы С-ной, которая была возмущена соглашательской позицией своих соплеменников-соседей, подписавших договор с Сургутнефтегазом. Соглашение стало возможным благодаря административным манипуляциям с границами территории, которая была поделена таким образом, что соседи С-ной, жившие, в отличие от нее, на приличном расстоянии от нефтяных вышек, проголосовали «за» и, как победившее большинство, получили компенсацию за развороченную землю С-ной.

«Больше одного раза эти нефтяники приходили к нам, и всякий раз мы отказывались. В этот раз кажется, что свои же люди нас продали. Наши же ханты сделали это. Я знаю этих людей. Почти все новые здесь. Я знаю, что даже если скважины были бы сделаны на их собственной территории, они были бы счастливы. Если это причинит им неудобство, они просто уедут, но мне с [мужем] ехать некуда. Наши старики жили здесь с начала времен. И даже если нам было куда ехать, зачем нам нужно уезжать? Нефтяники и газовики гоняли людей как стадо, туда-сюда, взад-вперед, так что люди потеряли все по дороге, все: своих детей, хозяйство, все. Если они расположат эти скважины поблизости, здесь не будет никакой рыбы, никакой брусники и вообще ягод, и нам будет не на что жить. Когда мы жили с отцом [свекром], у нас было так много ловушек повсюду, что мы добывали ондатр тысячами. [Брат. – Э.В., О.Б.] приезжал к нам тогда; он помнит. Теперь это хорошо, если кому-нибудь удастся несчастную сотню добыть, и если они начнут работать здесь, не будет даже этого. Мы живем с этого озера, даже хотя мы уезжаем в лес зимой».

Для С-ной компенсация по экономическому соглашению казалась оскорбительной, а опасности сосуществования с людьми и машинами,

связанными с нефтедобычей, не сводились только к экологическим проблемам.

«Нефтяники никогда не помогали нам, и не помогут теперь. Что нам делать с одноразовой компенсацией? У нас шесть человек в семье. Сто сорок тысяч рублей. Столько стоит один раз съездить в Сортым [пос. Нижнесорттымский. – Э.В., О.Б.]? А что после этого? Вся семья может просто умереть. А они поставят вокруг эти “кусты” [буровые. – Э.В., О.Б.]. И дело даже не в голоде. Кто-нибудь просто может тебя убить! Нам приходится иногда оставлять детей одних. Что, если мы вернемся домой, а дети мертвые? Это самое страшное. Они говорят, что они поставят заграждения на дорогах, но это ничего не значит. Рыбаки по дороге проходят совершенно свободно. Они приходят охотиться и ловить рыбу. Весной они действительно пропускают машины по какому-то списку, но так не будет всегда. Они и на вертолете постоянно летают в одно и то же место.

Т-а жила здесь прежде, но теперь она живет в Русскинской. Для нее ничего не значит подписать что угодно. Она просто хочет отделаться от нефтяников. Может быть, они и выполнили свои обещания ей, но никогда для нас... Так что мы ничего не берем у нефтяников и ничего не подписываем от них, кроме Акта об отказе. Я совершенно отказалась от них. И все равно они собираются ставить свои “кусты” в 2–3 км отсюда.

Даже охотники боятся приходить сюда, а что говорить о том, чтобы оставаться одной – все может случиться. Сколько ужасных историй случилось раньше в прошлом по сравнению с теперешним временем? Мы хотим жить, как раньше наши отцы и деды жили, не протягивать руку за куском хлеба. Мы будем честно жить нашим собственным трудом.

Люди пришли сюда с края Тромъёгана, чтобы получить за это деньги. О чем они думают? Конечно, теперь мы непосредственно страдаем, но скоро это будет их проблема. Если бы все ханты были на одной стороне, тогда не было бы ссоры. Но теперь ханты ссорятся между собой. Ну, так я готова спорить с целым миром» [ПМА–1].

Опыт С-ной – совсем не исключение из правил. Общеизвестно, что отечественные нефтяные компании в Западной Сибири продолжают захватывать новые территории и получать астрономические доходы, общим местом является и то, что деньги, которые компании тратят на поддержку коренного населения, смехотворно малы и несопоставимы с доходами самих компаний. Тем не менее нефтяники не всегда выполняют даже те условия, которые перечислены в скромном экономическом соглашении, но это уже другая история.

Отчего же округ и районные администрации заявляют в унисон с «нефтяниками», что они «постоянно помогают хантам»? Дело в том, что указанные стороны избрали своей стратегией так называемую канадскую модель, которая понимается таким образом, что компенсация

коренному населению должна включать строительство местных школ, жилья в деревнях и поселках и прокладку автомобильных дорог за счет промышленных структур, которые отдают на это часть доходов в региональную казну. Несмотря на то что звучит это привлекательно и рационально, к коренному населению все эти социальные блага имеют очень малое отношение. Более того, коренное население очень хорошо понимает, что, получив такого рода «компенсацию», они будут вынуждены оставить свои земли, что все выгоды от такой компенсации достанутся главным образом некоренному населению вообще и работникам нефтяных предприятий в частности и, разумеется, самим компаниям, для которых строительство дорог – это возможность дотянуться до самых отдаленных уголков. Подобную дорогу построили в верхней части Б. Югана, куда в прежние дни можно было добраться только по реке на моторной лодке за три дня пути или вертолетом (фото 4). И эта «компенсация» предлагается в таком политическом климате «хочешь – бери, хочешь – не бери», в котором ни местная деревенская администрация, ни жители территорий традиционного природопользования не имеют права на фиксированную долю прибыли, получаемой от выкачивания нефти из их земли.

Фото 4. Новый автомобильный мост, построенный через р. Б. Юган, который соединяет дер. Тайлаковы и месторождение с Тюменью. Фото авторов

Даже те ханты, которые давно перебрались в деревни типа Русскинская или Юбилейное, считают, что их руки связаны этим соглашением. В Юбилейном ханты подписали соглашение с Когалымнефтегазом на строительство шести домов в 2005 г. Дома, построенные за счет экономического соглашения, – бессовестная халтура, они непригодны для

жизни. Руководители хантыйской общины надеялись, что они получат компенсацию деньгами и смогут контролировать строительство жилья, но их ожидания были обмануты. Им было сказано, что если они получат деньги на руки, то им придется платить налог на прибыль (ПМА-2) (фото 5).

Фото 5. Южнокиняминское месторождение. Типовой жилой дом легкой конструкции, построенный в качестве компенсации за отданные в эксплуатацию земельные участки. Фото авторов

К 2006 г. так и не появилось юридической базы для взимания «компенсации», а юридический статус родового угодья был аннулирован. Тем не менее понятия родового угодья и экономического (компенсационного) соглашения стали частью не только административной системы, но и общественного сознания: руководители общин до настоящего момента сохраняли уверенность в том, что выплаты компенсации будут продолжаться в любом случае.

Города нефтяного бума, легкие деньги и социальная дезорганизация

Нефтяной бум привел к быстрому росту населения, преобразившему деревни типа Угута, Рускинская и Юбилейное, которые исторически служили контактными зонами между коренным населением и некоренным, сторожилами и новоселами. До того, как Западная Сибирь стала территорией экстенсивного нефтяного освоения, урбанистическим центром Среднеобья был главным образом Сургут. В деревнях-спутниках насчитывалось по несколько сот человек. Удаленные районы были дей-

ствительно удаленными. Даже нестарые ханты помнят, как ездили из этих мест в Сургут на нартах, запряженных оленями. Сегодня большинство городов Средней Оби связаны на юге с Тобольском, Тюменью и Екатеринбургом системой автомобильных дорог, проезжих в любую погоду, и круглосуточным воздушным транспортом со всеми крупными городами России. Крупные сибирские города, помимо всероссийского теле- и радиовещания, имеют местные медиаресурсы. Вся эта инфраструктура, с одной стороны, с каждым днем проникает все глубже в тайгу, но с другой стороны, навязываемый таежным жителям контакт является, скорее, виртуальным. Коренным жителям до сих пор приходится приезжать в административный центр для улаживания самых простых дел бумажного «характера», но и их ожидания и реальность претерпели серьезные изменения.

Русскинская – деревня, расположенная в среднем течении Тромъёгана, имеет население в 1 870 человек, из которых 986 – представители коренного населения (преимущественно ханты). Как и Нижнесортным, Русскинская – деревня советской эпохи, однако в 90-е она превратилась в крупный административный центр, обслуживающий новоприбывающее население, наплыв которого связан с расширением производства нефти на севере Сургутского региона. Русскинский район имеет территорию, охватывающую более 26 500 км², большая часть которой – болота с клиньями суши, покрытой сосняком (сельское поселение Русскинская).

Когда мы прилетели в Русскинскую в марте 1992 г., нас встретили ныне покойный создатель и руководитель национальной общины «Ханто» Иосиф Антонович Сопочин и его жена, этнограф Аграфена Семёновна Песикова. Главной темой всех дневных и ночных дискуссий была уже упомянутая история с тьяновским месторождением, где в ходе предвыборных махинаций были так ловко изменены административные границы района, что семьи, которых освоение не затрагивало совсем, оказались в большинстве. Второй референдум в новых границах, проведенный для того, чтобы придать видимость законности тьяновской лицензии, действительно продемонстрировал результаты, устраивавшие нефтяное и региональное руководство. В это же время А. Прасолов, председатель районной русскинской администрации, жаловался, что приватизация обернулась потерей дохода для деревни, так как нефтяные компании больше не платят налоги районному правительству. Землю эти компании покупали через региональный лицензионный комитет, который не давал себе труда довести информацию о совершенных сделках до всех заинтересованных сторон, будь то председатель сельсовета или хантыйская община. Эти заинтересованные стороны просто были поставлены перед фактом, что земли у них больше нет. Развороченные обугленные участки были объявлены неподхо-

дядями для проживания хантыйских семей и безотлагательно проданы, буквально «выдернуты из-под них» государством, а люди переселены в деревни вроде Русскинской.

Маршрутный автобус из дер. Русскинской в дер. Тромъёган (Юбилейное), где жили братья И.А. Сопочина, идет местами нефтяных промышленных строек, складов, мимо двух нефтеочистных предприятий, участков полностью сгоревшего леса, развороченных гусеницами вездеходов, мимо покореженного проржавевшего трубопровода, вдоль которого тянутся бороздки, заполненные темной масляной жидкостью. В 1995 г. в Юбилейном безработица среди хантов составляла 100%, зато на деньги Когалымнефтегаза была построена новая школа. Вместе с быстрым развитием инфраструктуры, темпы которого были прищиплены результатами нефтеразведки в крае, в Русскинской были построены новые жилые дома, в 1994 г. кирпичные, а в 1997 г. – деревянные, все в новых районах на выселках. Местные рассказывают, что наркомания среди молодежи и алкоголизм приобрели невиданный раньше размах. В 1997 г. в поисках кого-то из местных мы зашли в новый многоквартирный дом и прошли в пустую квартиру, где была открыта дверь. Большая запущенная комната стояла без мебели, а единственное окно было разбито. На полу валялись куски оленьей шкуры, обрывки бумаги, обгоревшие спички и сигаретные окурки; в туалете была куча мусора, пустые бутылки из-под самой дешевой водки. Квартиры, которые были предоставлены ханты в качестве компенсации за отчуждение земли, были местами регулярных выпивок. Обычная бытовая сценка в деревне – мужчина и женщина, ханты в национальной одежде, бредущие, качаясь, по улице или сидящие на земле, привалившись к забору в разной степени алкогольной интоксикации. Сообщения о пьяных драках и несчастных случаях на воде – повседневная картина.

В маленьких американских городках, сопоставимых по масштабу с Русскинской, возникших в результате нефтяного бума на западе страны, похожий сценарий стремительных социально-экономических перемен также включал повсеместное пьянство, развал семей и увеличение преступности, превышающее демографический рост населения; часто эти проблемы были равномерно распределены среди новоприбывших и старожил. Частично экспонентный рост социальных потрясений можно объяснить относительной изоляцией сельскохозяйственной общины, оказавшейся объектом сильнейшего и никак не ожидаемого воздействия, которое определяется несовпадением ценностных установок у новопоселенцев и старожил и неформализованным характером коммуникативной связи, которая является социальным связующим веществом для этих двух групп (Kassover, McKeown 1981). Эти факторы особенно важны, потому что исключительно внутригрупповое общение и взаимодействие, хотя и упорочивает внутригрупповую солидарность,

часто способствует тому, что другая группа продолжает пребывать в невежестве относительно первой. Это невежество порождает одновременно противоречивые эмоциональные отклики: негативный (страх, брезгливость, презрение) и позитивный (экзотика, новизна), которые в долгосрочной перспективе ведут к полному разобщению и создают почву для потенциальных конфликтов.

Эти проблемы настолько хорошо известны на Западе, что на основании оценки социального воздействия формируются новые социальные программы или корректируются уже существующие для того, чтобы стимулировать межгрупповое общение, выстроить чувство взаимного уважения и совместного вклада в будущее общины. В ХМАО подобных программ не существует. Проблемы усугубляются еще и тем, что существовавшая до недавнего времени система квот для коренных жителей при приеме на работу приказала долго жить. Без административного нажима нефтяные компании предпочитают не нанимать коренное население на работу, поскольку мужчины ханты, как правило, не знакомы с трудовой этикой наемного работника, получающего зарплату, и поэтому, с точки зрения кадровиков промышленного предприятия, ненадежны. Высокая текучесть работников хантов на таких предприятиях, так же как и сцены уличного пьянства, несомненно, подпитывают уже сформированные культурные стереотипы и предвзятость, так что руководство самой мощной индустрии в крае уже не желает даже держать на повестке дня вопрос об обеспечении работой коренных жителей. Единственным исключением является специфическая должность представителя компании «по работе с коренным населением». Эта должность существует в каждой крупной нефтяной структуре. Ее, как правило, занимают ханты, имеющие не только образование, но и, что более важно, опыт работы в сельских советах или других организациях в советский период. Этот опыт вместе со знанием условий жизни соплеменников и языка позволяет им позиционировать себя как посредников, старающихся согласовывать интересы обеих сторон, особенно при планировании новых проектов или обсуждении экономических соглашений. Поскольку они работают на компанию, то корпоративные интересы представляют для них приоритет, и главный смысл их деятельности заключается в том, чтобы убеждать соплеменников идти навстречу предложениям нефтяников. И.А. Сопочин, который недолго работал в этом качестве в начале 1990-х гг., и П.С. Молданов, работавший в этой должности значительно дольше, делились с нами своими мыслями по поводу этой деятельности. Хотя оба сознавали, что эта работа повышает их социальный статус, создавая своего рода культурный капитал, они остро ощущали бремя и двойственность своего положения.

Потребление и нарождающиеся классы

В то же время доступ к нефтяным деньгам от экономических соглашений вызвал к жизни новый социальный феномен – быстро растущую группу коренного населения, принадлежащего к поколению тридцатилетних, которые не видят никакого противоречия между движением в сторону современного консьюмеризма и этническим самоопределением. В конце 90-х годов привычно было слышать, как люди говорят о «новых русских», которые при загадочных обстоятельствах сколотили состояние и демонстративно растрчивали его. Западная пресса в то время подчеркивала контраст между «новыми русскими» и «старыми русскими» (иногда они буквально имели ввиду пожилых людей), воплощавших уходящую «русскую душу». Не существует «новых хантов» в этом смысле, но есть ханты, которые не видят никаких противоречий в том, чтобы и сохранять традицию и получать от этого дивиденды, как хотел этого инуит, который разъяснил Дункану Прайду, что его соплеменники предпочитают обогреваться пропаном и ездить на снегоходах, хотя «белые люди» в Оттаве хотели бы, чтобы инуиты оставались «традиционными» (Pryde 1971).

Примером новой жизненной философии коренного населения могут служить две хорошо нам известные большие семьи юганских хантов. Большая семья состоит из нескольких семей взрослых родных братьев. Старшие братья из обоих семейств – умелые охотники, не замеченные в пьянстве, закончившие полную среднюю школу и отслужившие в армии. Они вполне уверенно ведут дела с деревенской администрацией, хотя в городской среде с районными чиновниками чувствуют себя значительно менее уверенно. Главы обоих семейств дали разрешения на выдачу лицензии на часть их земли под нефтяное освоение. Деньги от компенсационных соглашений братья использовали для покупки электронной аппаратуры, магазинной мебели и всевозможных консервов. Хотя семьи до сих пор живут в деревянных рубленых домах, у этих домов нетрадиционный план: внутренние стены, образующие несколько отдельных комнат, оклеенные обоями, – вместо одной большой общей комнаты и холодных сеней. На стенках висят постеры с поп-идолами и другие консьюмеристские символы, члены семей смотрят телевизоры, приводимые в действие электрогенераторами, работающими на бензине, в основном «мыльные оперы» и спортивные программы. Братья одними из первых обменяли старые подвесные советские моторы на дорогие импортные (Johnson, Yamaha) не только потому, что последние более надежны, но и потому, что это знак статуса. Доставлять домой это добро – нелегкое дело, поскольку обе семьи живут на расстоянии пяти часов путешествия на моторной лодке от дер. Угут. Члены этих семей измеряют уровень жизни и хороший вкус наличием предметов

роскоши. Высокая самооценка братьев покоится на их способности добывать все эти блага.

Усилению чувства классового разделения у хантов, разъедающего социальные взаимоотношения, способствует, таким образом, доступ к предметам потребления и постоянное вмешательство в дела хантской общины со стороны местных коммерсантов, нефтяников, деревенской администрации. Во время летней экспедиции 2004 г. мы остановились перекусить в одном семейном поселении (юрте), хозяин моторной лодки, который вез нас в верховья реки, остался сидеть в ней. Мы пошли в дом, ожидая, что наш спутник, хозяин лодки, присоединится к нам. Через некоторое время стало ясно, что дольше ждать бессмысленно, и мы выразили недоумение по поводу его отсутствия нашей хозяйке, которая сразу же ответила, что он и не придет и что он, наверное, будет столоваться в другом доме в другой семье. «Они, значит, родственники?» – предположили мы. «Нет, – ответила наша хозяйка, – но он никогда не заходит к таким, как мы». Когда мы попросили ее объяснить, что она имеет в виду, она сказала: «Богатые люди не ходят в гости к таким беднякам, как мы». Традиционные этические нормы здесь требуют, чтобы люди, путешествующие по воде, не только останавливались бы в каждой юрте, но и заходили «выпить чаю» в каждый дом. Можно предположить, что нашу хозяйку уже снобировали и не один раз, поскольку она привыкла и примирилась с чувством дискриминации. Чувство это было обоюдное, поскольку другие члены общины рассказывали нам, что хозяин моторной лодки не пользуется популярностью, потому что он живет более зажиточно, чем его соседи, что подтверждается не только новым подвесным мотором, электрогенератором, телевизором и доступом к бесплатному бензину по экономическому соглашению с нефтяниками. Вполне вероятно, что видимые различия в имущественном положении только растравливают «старые раны» – давно существовавшие чувства зависти и соперничества между семьями, и, кроме того, имущественные различия среди обских угров существуют примерно столько же, сколько существует народ, тем не менее присутствие в быту названных предметов потребления, легкость, с которой некоторые семьи сегодня могут приобретать их, и скорость, с которой они ведут к технологической зависимости и, в некоторых случаях, к деградации, – это новое явление.

Все вышеперечисленное только увеличивает разрыв между состоятельными хантами и их менее удачливыми соплеменниками, которые чувствуют себя обойденными и из чувства обиды («они не имеют дела с такими, как мы») часто отказывают упомянутым братьям в самых основных формах гостеприимства, таких как приглашение зайти в дом и выпить с дороги чаю. Такие возрождающиеся классовые различия, как мы уже отмечали, не в диковинку для хантов, социальная организация

которых исторически характеризовалась экономическими различиями, основанными на семейной экономике и имевшими классовый характер, однако легкие деньги только для некоторых стимулировали демонстративный консьюмеризм (фото 6).

Фото 6. Демонстративное потребление в малых масштабах.
Демонстрация всех видов чая, привезенных на Юган. Фото авторов

Приватизация нефтяной индустрии в постсоветский период создала такую социально-экономическую ситуацию, которая внедрила в сознание некоторой части коренного населения открытие, что земля – это товар, и, стало быть, можно торговать правами на ее использование. Сами того не зная, эти «новые ханты» берут на вооружение историческую стратегию своих дореволюционных дедушек, которые прибыльно сдавали в аренду песчаные отмели и другие рыбные угодья русским купцам. Хотя мы уже привыкли рассматривать перемены, произошедшие в стране, главным образом как следствие развала Советского Союза, для хантов более важным элементом в динамике процессов аккультурации и декультурации оказалась возобладавшая в 90-е годы картина социального разложения, вызванного стремительной урбанизацией периода нефтяного бума. Результаты социальной дезорганизации определяются «отсутствием узнаваемых ожиданий в отношении (человеческого) поведения или противоречиями и несовместимостями внутри узнаваемых ожиданий в отношении поведения» (Raines 1997). Эрозия об-

щепринятых в каком-то районе или какой-то группе ожиданий часто вызывается притоком нового населения, чьи ценности и опыт легитимизируют альтернативный круг ожиданий. Интерес к чужому, сопровождающийся страхами, притягательностью экзотики и отвращением, ведет к переоценке сложившихся ожиданий. Атмосфера города – порождения нефтяного бума – подтолкнула некоторых хантов к отрицанию самоидентичности советской эры, что привело к возникновению новых возможностей для тех, кто изменился сам и тем самым моделировал альтернативы для других.

Не бывает в экономических соглашениях ни таких денег, ни таких технологий, чтобы совершенно эмансипировать хантов от земли. В деревнях, куда многие ханты переселились либо под нажимом, либо добровольно, прочно обосновались депрессия, пьянство и безразличие. Некоторые коренные жители время от времени, испытывая нужду, возвращаются обратно – ловить рыбу в загрязненных реках или охотиться на разоренных угодьях. Можно бесконечно приводить примеры саморазрушительных запоев, которые приводили к преступлениям, самоубийствам и домашнему насилию, что в последние годы случается с ханты не только в русских поселениях, но и когда они возвращаются в юрты.

Земля и самоопределение

Социальная организация хантов включает две формы социальной идентичности: семейно-родственную группу и территориальную. Родство определяет человека в диахронической перспективе, связывая его во времени с близкими и отдаленными предками по отцовской линии. Они (предки), в свою очередь, – покровители домашней территории, на которой этот человек рождается, проводит всю жизнь и умирает. Родство у хантов считается по отцовской линии. Патрилинейность определяется принадлежностью к более крупной социальной структуре, называемой *сир*, члены которой называли друг друга «брат» и «сестра», жениться внутри своего *сира* в этой традиции запрещалось. По этой причине *сир* часто переводят на русский язык как ‘род’ или на английский как ‘clan’. Тот факт, что многие *сиры* имеют еще распознаваемые зооморфные тотемы и ведут свое происхождение от эпонимического предка, казалось бы, только делает такой перевод более весомым и правдоподобным. Многие названия *сиров*, по-видимому, отражают местную топографию, а не мифологическую идентичность. Возможно, поэтому В.М. Кулемзин и Н.В. Лукина предпочитают переводить *сир* как ‘часть’, что дает возможность уйти от необходимости разбираться со скрытыми смыслами (Кулемзин 1972; 1976; 1984; Кулемзин, Лукина 1973; 1992; Кулемзин, Лукина, Молданов, Молданова 2000).

Даже поверхностное изучение существующих сиров позволяет провести различия между тотемным и метафорическими (Заяц, Ель, Лось) и географическим значениями (*ях*). *Ях* соотносится с локальной территориальной группой, слово это полисемантическое, охватывающее весь спектр значений – от «социальной группы» до «пространства, которое социальная группа занимает». Так, например, в то время как это слово может означать «локальную группу жителей», оно может также означать «встречу». Возможно, *ях* имеет значительные семантические совпадения с понятием *сир*. Юганские ханты ассоциируют некоторые *сиры* с определенными реками, потому что духи предков – покровители данного сира – живут в лабазах у истока этой реки. Но даже в этом случае ханты используют термин «*ях*» по отношению к людям, живущим в других речных системах. Столь сильна в этом смысле местная групповая идентичность, что один юганский хант, получив гражданский паспорт, в графе «национальность» написал «юганец» (ПМА–3).

В сложных взаимоотношениях между хантыйской общиной и землей, обозначаемых словом *ях*, под нажимом нефтяного освоения, нищеты и корысти появились трещины. Обычно хантыйский менталитет противопоставляет традиционную экономику нефтяному освоению. Именно этой линии рассуждения придерживался тромьёганский оленевод М-в, с которым мы разговаривали летом 1994 г.:

«Моя семья и мой отец всю свою жизнь прожили на этой самой земле. Здесь земля сама себя обновляет. Здесь были рыба, ондатра. И каждая семья могла себя прокормить на своей земле. Всех этих природных ресурсов было достаточно. Потому что мы неграмотные и не знаем слов, нас считают дикарями. Но мы думали об этой земле как о саде и никогда не вредили ей. Никогда ничего не горело летом, потому что люди подожгли. Если бывали пожары, они случались от молнии. Теперь они строят дорогу и тут будут постоянное движение и различное нефтяное строительство, и даже если не будет браконьеров, ондатра уйдет и рыба тоже уйдет. И так везде: например, возле Казыма, где большие поля нефтедобычи, все животные вроде ондатры уходят. Если эту дорогу построят, для нас станет трудно жить на этой земле. Здесь совсем не будет охоты, и времени осталось совсем мало. Через два года они проложат асфальтированную дорогу, и будет постоянное движение. Можно продолжать жить в лесу и в этих условиях, конечно, но не на что будет охотиться. Все эти проблемы с выдрой не только от нефти, но и от того, что городские приезжают и охотятся здесь» (ПМА–1).

У М-ва – болезненный пафос сопоставления сада и индустриальной среды с асфальтированной дорогой как символов соития и насилия. Промышленность представляет собой новый вид власти, к которой ханты относятся чаще всего с фатализмом. «Я знаю, нефть важна: она кормит всю Россию, – сказала коренная жительница Тромьёгана К-ва,

глядя на огромную яму, забитую ржавым металлом, – но они могли хотя бы убрать за собой. Мы пьем нефть и вдыхаем газ» (фраза из фильма *Lost Land* 1998¹).

Нефть, однако, подвергает манифестированное в этих примерах отношение хантов к земле серьезным испытаниям.

Превращение в предмет потребления

Сколь угодно скромные деньги, получаемые по экономическим соглашениям с компаниями, сформировали взгляд многих коренных жителей на землю как на рыночный предмет потребления, а не общую, делимую с другими людьми природно-ресурсную базу. Становится ясно, что для некоторых хантов земля воспринимается все реже как «сад» и все более часто именно как рыночный предмет потребления, который можно обменять на промышленные товары, которые иным образом невозможно получить. Администрация округа предприняла юридические шаги, чтобы очертить прежде размытые границы охотничьих угодий. Некоторый приток денег, связанный с нефтью, как бы эфемерен он ни был, способствовал возникновению и укоренению у хантов чувства собственности на землю и своих прав на нее. Экстенсивное освоение увеличило давление на природно-ресурсную базу, заставляя тех хантов, которые подписали документ об отчуждении своей земли под нефтепромысел, браконьерствовать на охотничьих угодьях соседей, которые этого не сделали. Как следствие, возникают конфликты, переходящие в настоящую вражду.

Отношение к земле как товару, который можно продать или обменять, становится фактом повседневной жизни и провоцирует открытые конфликты и даже насилие среди юганских хантов. В верховьях Б. Югана одна семья объявила о своих правах на спорную территорию на основании того, что она всегда охотилась на этой территории, хотя они и не получили официального акта о владении. Охотник К. не раз сетовал, что другая семья, пришлые ханты с юганской Оби, «оккупировала» эту землю и охотится там. Глава семьи «оккупантов» Л. отрицал это и приводил двойной аргумент в свою пользу.

Во-первых, он рассказывал, что всегда охотился на общей земле, лежащей к северу от деревни и отведенной для жителей деревни. В этих словах есть, вероятно, некоторая правда. Дело в том, что, как рассказывают в деревне, этот человек спровоцировал соседа-ханта на драку, закончившуюся убийством русского охотника. Причины убийства, по свидетельству других членов общины, лежат в корысти – русский охотник громче всех протестовал против промысловой деятельности главного подозреваемого на общинной территории. Русский тоже охотился там на общинных землях и кормил семью. Кроме него, там же охотился старик хант, вдовец, из дер. Т-во.

Во-вторых, Л. также говорил, что он действительно имел охотничьи избушки на оспариваемой территории и «иногда» ходил туда охотиться, и всегда утверждал, что это – его семейная земля, хотя соседи, живущие в этих юртах на протяжении нескольких сот лет, отвечали, что он никогда не имел избушки на «их» земле. Территория, на которую заявляет права этот человек, когда-то была частью охотничьих угодий, исторически принадлежавших семье Т-х, по имени которых были названы юрты и позже деревня, и семье К-х, живущей выше по реке, тоже исконно юганской. Обе семьи оспаривают его притязания.

Победа в этом споре означала не только доступ к жизнеобеспечивающим ресурсам, но и товары / деньги от компенсационных соглашений. Когда нефтяная компания купила лицензию для разведывательно-го бурения на южной стороне Большого Югана напротив деревни Т-а, им нужно было подписать соглашение с законным держателем охотничьих угодий. Когда границы данной охотничьей территории были «определены», Л., наряду с «историческими» пользователями этих угодий, тоже претендовал на свою часть от соглашения и получил ее, терроризируя соплеменников и пользуясь снисходительностью представителей компании, которым эта ситуация была удобна. Несложно понять, почему узаконенный результат никак не отражал реальности узурфрукта. Чтобы вникнуть в эту ситуацию, нам потребовалось несколько недель летней полевой работы, включающей интенсивные опросы и свободные многочасовые беседы с людьми, питающими друг к другу часто откровенную неприязнь и потому часто высказывающими довольно предвзятые мнения.

На р. М. Юган жители одних юрт рассказывали, что избивали ханта, который приходил на их территорию охотиться и рыбачить. До недавнего времени эти «браконьеры» охотились и рыбачили на восточной стороне Малого Югана выше дер. Кинямина. Когда недавно открытое Южнокингаминское месторождение поглотило мало-помалу большую часть их охотничьих угодий, они начали «охотиться» на чужой территории, где земля еще не была «разворочена» нефтяным освоением и потому была по-прежнему продуктивной. На «чужих» напали, сорвали их палатки, вещи разбросали, а самих «отмутузили». Отчаянная и ожесточенная защита эфемерных прав на земельную собственность, как видно из последнего примера, очень показательна, если вспомнить, что всего каких-то тридцать лет назад местные охотники ходили на промысел сообща, нередко целыми группами, а границы семейных охотничьих территорий, уже не говоря об общих / общинных землях, никогда не становились зоной пограничных конфликтов.

Вероятно, было бы ошибкой полагать, что земельная собственность, которую так яростно защищают, – это необходимые ресурсы жизнеобеспечения и что скрытый мотив действий «защитников» – сохране-

ние традиционного образа жизни. Недавно жители этих юрт проголосовали почти единогласно за соглашение с компанией Славнефть приступить к нефтедобыче на их же охотничьих угодьях. Против проголосовал только один человек, чей участок уже пострадал от «кустов» разведочных скважин, но он оказался в меньшинстве.

Ревитализация

Под натиском стремительных перемен восточные ханты, так же как до них североамериканские индейцы, отреагировали на надвигающийся коллапс привычного образа жизни в идеологической плоскости. В классических исследованиях движений нативизма (Linton 1943) и ревитализации (Wallace 1956) замечено, что быстрые изменения вызывают «разрыв» между объективными условиями жизни людей и культурно детерминированными ожиданиями. Этот разрыв вызывает у хантов сегодня чувство тревожности, которое охватило все коренное население Среднего Приобья. Эта тревога, по определению Гирца, воздействует не только на формирование в культуре эмоций и моральных норм, но и на здравый смысл.

У хантов идеологическое сопротивление давлению аккультурации время от времени оформляется в ревитализационное движение разных масштабов, основанное на пророчестве. В том, что Бурдые называет «символической борьбой за перцепцию социального мира» (Bourdieu 1987: 134), пророчество нацелено на разъяснение амбивалентности происходящего кризиса, определяя фундаментальные оппозиции через раскрытие / развертывание первичных символов и реактуализацию исторических и семантических приоритетов аборигенной интерпретации данной символики.

Марджори Балзер (Balzer 1999) описывает всплеск ревитализационного движения, сформировавшегося в 1986 г., вдохновителем которого был ваховский шаман, и демонстрирует, как элементы ревитализации подпитывали казымское восстание против коллективизации в начале 30-х гг. прошлого века. Хотя и нет оснований говорить о нативистском движении сегодня, во всяком случае в классическом смысле, о чем писала М. Балзер, элементы нативистской идеологии вошли в хантыйский дискурс антиосвоения и культурной ревитализации.

В нынешних водоворотах апокалиптического мироощущения, широко распространившегося в хантыйских поселениях, существует мало-заметное подводное течение, которое, будучи очерчено словом, напоминает риторику ревитализационных движений.

Первый раз отголоски этой риторики прозвучали в интервью первого председателя семейно-родовой общины «Ханто», политического активиста, ныне покойного И.А. Сопочина, который сказал в 1994 г. следующее:

«Все мы (русские и ханты) наказаны и будем еще наказаны за все, что мы делаем против природы. Я имею в виду весь этот букет преступлений, который мы имеем в настоящем, и что эта среда стала источником отравы для нас. Конечно, ханты тоже виноваты, потому что они перестали делать эти вещи из березы – блюда, посуду – и используем промышленные товары».

Мы дружили с И.А. Сопочиным: он был человеком импульсивным, эмоциональным, нервного склада. Даже знавшим его не всегда легко было понять И.С. и, тем более, ввести его мысли в контекст общей темы, актуальной в регионе в последние двадцать лет – загрязнение и уничтожение окружающей среды в Западной Сибири. В то время нас больше заинтересовал другой пример, который он привел в связи с упомянутой темой:

«Например, на Ими-Яуне они совершенно срыли священный холм. Они его целиком утащили на строительство дороги. И если мы возьмем этот случай, то я не думаю, что этот песок очень хорош для дороги. Я не имею в виду, что на этой части дороги происходит больше катастроф, чем где бы то ни было, но, по крайней мере, на именно этой дороге, Когалым – Сургут, автомобильные катастрофы более часты, чем где-нибудь еще. Я это заметил давно» (ПМА–1).

Позже в тот же наш приезд И.А. Сопочин пригласил нас встретиться со старейшиной из семьи Тевлиных, который рассказал нам, что существуют «дурные духовные последствия» нефтяного освоения, что, когда скважины бурят, то получают коридоры для злых духов, которые выходят из нижнего мира. После этой встречи 1994 г. мы больше не слышали апокалиптических разговоров.

Затем летом 2000 г. мы приехали в юрты Купландеевы на Большом Югане, где записали историю от покойного ныне Николая Петровича Купландеева. Нам часто приходилось записывать хантыйские *монть* или, условно говоря, волшебные сказки, вобравшие в себя угорские и русские мотивы, но купландеевская история про Царя Петра и маленького человечка была замечательной по другой причине. В конце записанной нами истории Царь Пётр предсказывает сначала пришествие советской власти, а затем установление истинной религии и спасение хантыйского мира. Как эта тема была интерполирована в рассказанную нам историю, Николай Петрович объяснить не умел, он просто рассказал ее, как он помнил, она была рассказана ему (ПМА–3). Когда мы обсуждали это потом с Петром Васильевичем Курломкиным, замечательным сказителем и знатоком хантыйской культуры, он был очень заинтригован, и это напомнило ему что-то, что мы никогда с ним раньше не обсуждали. Мы говорили с ним о профетической традиции – *Памтынг Ясынг*, что переводится прямо как «волшебный разговор».

«Маленькому человеку Царь Пётр напомнил, как люди жили бы в будущем. Василий Лянтин, двоюродный дед нынешнего Василия Лянтина, знал это предсказание очень хорошо. Он умер, прежде он сумел научить других. Пророчество может случиться и любой может сказать его. Во сне, например, они слышат или видят что-нибудь. У Василия Лянтина было такое пророчество и хотел рассказать что-то, но он умер. Иногда, когда два или три человека в разных местах видят одно и то же – это случается. Они могут видеть человека во сне, не настоящего человека, и он рассказывает, что должно быть сделано, *Памтынг Ясынг*. В то время, как пророчество было сделано, у хантов не было русской посуды, все было сделано из березы. Например, было сказано в пророчестве, что ханты будут жить с железной посудой, и что у хантов будут деньги. Они сказали, что к 2000 г. советская власть изменится. Все старики знали все это, и именно для этого пророчества они раздавали палочки».

Пётр Васильевич описал эту палочку, которая, как счетная палочка Медвежьего праздника, служила в качестве мнемонического средства. Чтобы сделать такую палочку *Ай-Сумит-Юх-Чупели* (рус. ‘маленькая короткая березовая палочка’), берут ствол молодого дерева, стесывают так, чтобы стороны были прямые, и вырезают из него четыре плоские палочки. На одной стороне палочки делали зарубки, и каждая палочка «была как страница в книге». «На каждой зарубке есть много слов. Они (зарубки) говорят, что мне надо положить палец на каждую зарубку по очереди и рассказывать». Другой большеюганский старейшина, Усанов, подтвердил, что этот обычай рассказывать прорицание с помощью мнемонических палочек был хорошо ему известен. Источник, которому это пророчество приписывают, – старый хант, который жил на реке Оби до Октябрьской революции, известный как Чум-Тлинг-Юркинг-Ики – Старик Палочки с Зарубками (фото 7).

«Он рассказал много вещей и позже начал раздавать эти палочки, хотя никто не знает, как они появились (на Югане) – то ли кто-то распространял их (за него) или он сам это делал. Все, что он предсказывал – так и случилось. Например, о посуде. Старый Василий Лянтин, двоюродный дед нынешнего Васи Лянтина, имел такие палочки. Власть изменится – так было сказано. Не было сказано конкретно – красная власть – просто власть. В конце 2000 г. будет другой переворот. Он сказал про церкви, что они опять будут открыты. И как в сказке (Купландеев рассказал) у них будет трудная жизнь. После первой революции (1917 г.) они будут жить довольно хорошо, а после второй будут лишения» (ПМА–3).

Тема миллениума в этом тексте проливает свет на более ранний комментарий П.В. Курломкина, сделанный им по поводу приготовления к празднованию наступления второго тысячелетия, о котором вза-
леб рассказывали тогда все средства массовой информации.

Фото 7. Павел Усанов рассказывает, как пророчествовали на Югане, используя палочку с зарубками (мнемонический инструмент). Фото авторов

Он рассказал нам тогда, что настоящий мир был не первым миром, а был населен после пожара и потопа, и что эти очистительные мировые катаклизмы происходят каждые две тысячи лет, и в это время Бог сначала «сжигает людей за их грехи», а затем «отмывает» их всемирным потопом. Лично он воспринимал это с некоторым скептицизмом, замечая, что «возможно на 2000 г. потопа не будет, возможно что-нибудь еще». Последнее замечание, тем не менее, как заключительное слово в сказании о Царе Петре кажется нам эксплицитным напоминанием о трудностях, которые выпали на долю всех без исключения граждан бывшего Советского Союза, включая хантов, во время и после развала страны, которое не случайно называют «катастрофкой». Сюда относятся социальный и экономический хаос – результат распада бюджетных институтов с последующим прекращением государственных субсидий, картографирование и перераспределение земли, образование новых политических структур и добровольных ассоциаций и разбойничий капитализм западносибирской нефтяной индустрии.

Наше толкование пророческого и апакалиптического дискурса было подтверждено в беседе с В.М. Кулемзиным, который опубликовал два

варианта истории о катаклизмах (Кулемзин, Лукина 1976: 141, 179). Если пересказывать коротко, то в истории, которую записал Кулемзин, утверждается, что всеобщий конец наступит, когда русские выкачают всю кровь (нефть) из-под земли. Тогда все остановится. Все железные вещи – вертолеты, трубы и баржи – все остановится. Русские, которые будут сразу обнаружены, потому что они похоронены головами к востоку, будут заморожены. Ханты, которые похоронены головами на север, воскреснут. Те люди, которые пользуются традиционными охотничьими ножами и стрелами, которые строят рыбные запоры, разводят костер без спичек, востребуют свою землю. Стрела, к которой была привязана целая цепь, убьет последнего русского, пронзив ему сердце.

Элементы, знакомые по ревитализационным движениям в других местах, воспроизводятся и в этих текстах. Широкая картина апокалипсиса представляет конец нынешней власти, угнетения и реставрацию миропорядка коренного народа: в этом заключается смысл оппозиции русского железа и хантйской бересты. Железо и береста символизируют индустриальный и природный порядки реальности, связанные кровью / нефтью происходящей трансформации. Выбор железа и бересты не произволен, а напротив, глубоко укоренен в хантйском мировоззрении. Береза – это дерево, которое выросло в том месте, где женщина упала с неба и дала жизнь Кон Ики, который также известен как Пастаярт-Ики, Человек, Быстро Облетающий Мир, или Мир Сусне Хум, Человек, Присматривающий за Миром. Береза – это *axis mundi*, дерево, связывающее мир земной поверхности, средний мир, с небом или верхним миром. Это дерево, на которое ханты вешают олени шкуры и ткань для богов и с помощью даров посылают молитвы к небу. Железо и черный металл – это материалы Куля, подземного бога, отвечающего за смерть и болезнь. Он носит шапку из черного металла, когда он фигурирует, одетый в металл / жезь, на общинном жертвоприношении и получает лучшие части туши и куски черной ткани. Он был антагонистом Кон Ики, и когда он, наконец, был побежден, его запечатали в металлический короб или гроб. Согласно рассказу Е. Тевлина, металлические буры, которые ввинчиваются в землю в поисках нефти, проникли в этот гроб и выпустили на свободу злых духов (ПМА–1).

Ясно, что эта апокалиптическая традиция – не недавний феномен. Наиболее древний слой ее, возможно, мифологический, укорененный в миллениаристских мифологиях смены миров (последовательных миров). Самые архаичные слои этой традиции, содержащиеся в истории о Царе Петре и Маленьком Человечке и пророчествах Старика Палочки с Зарубками, возможно, отражают революционные движения в конце периода правления Николая II. На уже существующем фундаменте этой ранней апокалиптической традиции радикальные ханты – противники нефтяного освоения возводят новую постройку нативистской истории о

судьбах хантов и индустриального мира. Но поскольку эффективность этой апокалиптической традиции зависит от развертывания ряда первичных символов в фундаментальный дуализм, то это может равно служить как хантам-нативистам, так и протестантским миссионерам как субстрат христианского евангелического апокалиптического дискурса, сценария конца света, в котором компьютеры, чипы и машины заменяют железо, нефть и «традиционный» костюм.

Кризис, обращение в христианство и конфликты

Небольшая часть хантов, жизнь которых оказалась буквально «перепажана» распадом традиционной жизни, начала поворачиваться к протестантскому евангелическому христианству. Хантыйский евангелизм, так же как хантыйский нативизм, напоминает нам, что феномен религиозности включает в себе не столько заботу о загробном мире, сколько беспокойство о мире здешнем, земном. Если бы мы смогли описать и понять религиозный опыт, то, возможно, смогли бы и увязать духовные формы, захватывающие воображение прозелитов, с материальными, социально-историческими условиями, которые мотивируют и формируют религиозные манифестации.

Сценарий стремительных перемен, возобладавший в Ханты-Мансийском автономном округе как следствие нефтяного освоения, за последние сорок лет объективно трансформировал все сферы хантыйской жизни. Люди, которые в 1977 г. могли передвигаться по реке только на веслах или волоком (вверх по реке), которые путешествовали на нартах, запряженных оленями, и охотились с однозарядными ружьями часто довоенного образца, сейчас имеют в распоряжении подвесные моторы, снегоходы, полуавтоматические карабины и коротковолновые приемники.

Анализируя последствия нефтяного освоения в русле социального аспекта культуры, надо отметить, что за последние тридцать лет прекратили существование советские социальные институты, которые прежде, пусть и формально, но все же участвовали в структуризации жизни коренного населения: распались трудовые коллективы (зверсовхозы и рыбсовхозы) с уже привычной для всех властной иерархией, системой награждений и стимулов, например оплаченным отпуском в доме отдыха на Чёрном море, которые приносили удовлетворение, повышали самооценку и давали ощущение, что работа охотников и рыбаков также ценилась в архитектуре национальной экономики. Местные Дома культуры и тамошние работники культуры, летние пионерские лагеря, системы национальных деревень и государственных магазинов, которые снабжали продукцией отдаленные таежные юрты, – все это осталось в прошлом, как и большинство прерогатив «национальных меньшинств», которые повышали социальную ценность принадлежно-

сти к этническому меньшинству, даже если эта ценность была достаточно лимитированной. Все это теперь ушло, и отсутствие данных вещей до сих пор остро ощущается. Очевидно, что безработица, алкоголизм, суицид и насилие в семье разрушают социальную ткань. В этом контексте одна из самых привлекательных сторон евангелического христианства для многих хантов состоит в чувстве социальной солидарности, которое баптисты-евангелисты успешно создают наново, строя религиозно-общинные центры в деревнях, открытых для гостей-хантов, приезжающих из леса, устраивая частые региональные конференции, экскурсии, летние церковные молодежные лагеря.

«Живые» деньги в форме выплат наличными от нефтяных компаний не только создают экономическую зависимость, но и вкус к дорогим предметам потребления и растущий классовый барьер между теми, кто «имеет» и теми, кто «не имеет»: между семьями на соседних стойбищах глубоко в тайге, между теми, кто собирается у транзисторного радиоприемника, соединенного с автомобильной батареей, и теми, которые гоняют электрический генератор на бесплатном бензине, чтобы посмотреть фильм на домашней видеосистеме. Этот новый консьюмеризм более заметен у молодого поколения хантов, теперешних тридцатилетних. Материальные блага и видимые глазом перемены объективных условий существования обеспечивают возможность одной группе хантов использовать это в свою пользу, т.е. наделяют определенной властью. Существующий ход вещей порождает глубокую неудовлетворенность у многих членов хантйской общины. Евангелическое христианство обещает трансформировать эти условия. Когда мы спросили Светлану В., почему трюмёганские ханты становятся последователями харизматического учения (харизматического пятидесятничества), она ответила так: «Ханты ходят в церковь, и изменения налицо. Когда они молятся, олени, которые потерялись, находятся. Они ловят рыбу как Пётр, которому велено было закинуть сеть и поймать рыбу, и они ловят рыбу и продают то, что поймали. Многие люди выздоровели, и даже собаки выздоровели» (ПМА-3).

На Большом Югане, где еще немного «легких» денег, наиболее успешно действовали баптисты-евангелисты. Некоторые прозелиты, например отдельные семьи каюковского рода, стремятся обратить нищету в добродетель, делая упор на ценности тяжелой работы, простоте и скромном достатке, так же как русская баптистка из пос. Снежный (Сургутский район), которая как-то сказала: «У нас все строгие и послушные». Однако названные добродетели – не единственная мотивация: у нас есть свидетельства, что безденежье и зависть к имущим тоже играют на руку миссионерам. Л., яростный большеюганский баптист, обвинял православную церковь в том, что «они продают иконы, свечи и амулеты, они продают все, в то время как в Библии сказано – “Мой дом

будет домом молитвы, а не воровским гнездом»». И заключил: «Вот почему у нас (баптистов) есть только Дом молитвы» (ПМА–3). Это недовольство жизнью затрагивает самые глубокие струны души в Л., которого мы знали больше пятнадцати лет и которому всегда казалось, что все вокруг надувают его. Он не верил, что баптисты тоже собирают десятину, настаивая, что они «только используют свои собственные лодки, моторы и бензин». Сестра его, которую мы тоже знали еще ребенком и которая теперь замужем и мать семейства, всегда была очень практичной, а потребности ее – материальными. Но, например, в 2006 г. она жаловалась на своих более состоятельных соседей, у которых «нет времени на таких, как мы», а в следующем году старалась «выбить» одновременно у администрации общины, района и нефтяников импортный подвесной мотор (ПМА–3), являющийся не только более надежным транспортным средством, чем отечественный «Ветерок» (он у нее есть), но и одним из основных маркеров социального статуса людей в тайге.

Чувство удовлетворения, которое хантыйские прозелиты испытывают от обращения в христиан-евангелистов, неотделимо от социальных и даже юридических последствий этой трансформации. Хотя христианство – это западная религия, как в историческом, так и в географическом смысле, его идеология притязает на универсальность, которая, как предполагается, выходит за пределы времени и пространства. Надо заметить, что это не совсем так в случае русского православия, очень локализованного и в историческом и в географическом отношении. Евангелическая молитва, в отличие от православной или от традиционных этнических верований, переводит эту религию из специфического культурного пространства в концептуальное, воспринимающееся как выход за пределы конкретных культуры и места. Сама «портативность» христианства, которая способствовала его имперскому распространению, ставит его в противоречие с интенсивно локализованной хантыйской культурой.

Поскольку хантыйские духи – это охранители речных систем и божественные основатели родов, эти роды притязают на право традиционного пользования речными бассейнами системы Оби. Большинство больших семей хантов живут на традиционных семейных охотничьих территориях, защищаемых семейными духами, которые считаются детьми богов – основателей родов. Ханты традиционно верят в то, что в их природный ландшафт, так же как и в их генеалогическую линию, была заложена магическая сила. Боги хантов живут на специальных священных местах (местах силы), где часто стоят лабазы, которые эти места маркируют. Молясь христианскому богу, новообращенные ханты отдаляются не только от своих богов, но, одновременно, от «малой родины» и соплеменников, которые находятся под защитой этих богов.

В настоящий период, когда земельное законодательство, особенно в части притязаний на приоритетное природопользование, постоянно подвергается пересмотру, да так, что каждый владелец охотничьих угодий постоянно ощущает угрозу своим правам и образу жизни, появление неофитов в национальных поселениях неизбежно ведет к углублению раскола в общине еще и по религиозному признаку.

Нефтяное освоение Западной Сибири оказало огромное воздействие на хантов. Прежде всего оно формализовало традиционные практики, такие как землевладение и землепользование, включив их путем «приватизации» и лизинговой политики в систему законодательной и исполнительной власти различных уровней правительства. Когда появилась необходимость определять, кто из живущих в тайге хантов может иметь право вести переговоры с нефтяными компаниями и получать выгоду от освоения, земля быстро превратилась в товар. Сдвиг ценностного отношения к земле в сторону юридического и экономического подходов начал подрывать религиозные практики, которые поддерживали охотничью / рыболовческую / оленеводческую экономику восточных хантов, хотя по всей территории культурного ареала религиозный упадок происходил неравномерно. Подрыв традиционных верований и практик, основанных на почитании земли, также открыл путь решительному и эффективному прозелитизму протестантских евангелических деноминаций.

В условиях стремительных перемен культурные формы и производительные средства восточных хантов не могли остаться неизменными. Только самые пожилые ханты (1936–1940 г.р.), которых остается все меньше и меньше, свободно владеют литературным регистром хантского языка. Медвежья церемония у хантов быстро «размывается» и происходит все реже. Поскольку возможностей для практики становится все меньше, аудитория сужается, старшее поколение хантов перестало исполнять и утратило многие жанры устной традиции, в частности длинные мифологические и эпические песни. Миллениумному поколению хантов, которое дома и в интернате соприкасается с телевизором, часто с Интернетом и, в свою очередь, захвачено потоком современного консьюмеризма, очень трудно усваивать культурную традицию. И даже те, кто стремится к сохранению традиций, уже, как правило, не располагают таким важным инструментом, как литературный хантский язык.

Нефтяное освоение политизировало коренное население, способствуя формированию новых моделей национальных лидеров и представителей: различного рода посредников, дистрибьютеров патронажа и общественных адвокатов, которые влились в уже существующий слой национального представительства в местных администрациях. Это чрезвычайно запутало традиционное распределение полномочий, осно-

ванное на системе родства. Следствием такого развития стал латентный конфликт, который регулярно прорывается наружу, так что даже в тех ситуациях, когда договаривающиеся стороны готовы к компромиссу, всегда существуют сегменты коренного населения, чьи интересы представлены неадекватно. Представители этих сегментов справедливо утверждают, что соглашения между нефтяными компаниями и коренными жителями почти всегда имеют очень локальный и временный характер. Очень заметной стала деградация идентичности, определяемой отношениями родства. Связи, реальные или фиктивные, перестали функционировать как правила, которые объявляют вне закона или предписывают определенные формы поведения, например устроенный экзогамный брак, взаимный обмен подарками, ритуальные обязанности, даже проживание на определенных участках родовой территории.

Однако настоящую причину сегодняшнего положения дел следует искать не в идеологии и не в политике, а в практической экономике. Для большинства хантов новая сфера прав, подкрепленных законом, от налоговых привилегий до самого главного права – заключать выгодные экономические соглашения с нефтяниками о компенсации за промышленное освоение родовых земель, оказывается сейчас важнее, чем права, обеспеченные только традиционными родственными связями. Доступ к крупным суммам денег, часто значительно превышающим доходы от трапперства / рыболовства / оленеводства, привел к накоплению материальных благ и демонстративному потреблению, которое стимулирует настоящее классовое сознание среди хантов.

Нефтяное освоение в постсоветском нефтяном государстве значительно способствовало описанными выше путями сдвигу от этничности, основанной на культурно детерминированных отношениях, к легализованной, документально подтвержденной этничности, которая появилась в советский период.

Таким образом, в результате динамичных процессов промышленного развития исконные земли восточных хантов, которые в течение многих столетий населяли Среднее Приобье, были разорены, а культурные формы, сохранившиеся в той или иной степени в период существования этой группы в составе Российской империи и первые пятьдесят лет советской власти, претерпели стремительные и драматические изменения.

Примечания

¹ Lost Land. Документальный фильм. 1998 г. Снят голландской киногруппой о проекте «Атлас традиционного природопользования восточных хантов» (грант международного фонда Мак-Артуров, авторы проекта проф. Э. Вигет и канд. филол. наук О. Балалаева).

Источники и литература

Ansoff I., McDonnell E. Implanting Strategic Management. Upper Saddle River, NJ: Prentice-Hall, 1990.

- Balzer M.M.* The Tenacity of Ethnicity: A Siberian Saga in Global Perspective. Princeton: Princeton UP, 1999.
- Bourdieu P.* Choses dites (English version – In Other Words: Essays Towards a Reflexive Sociology). Paris, 1987.
- Kassover J., McKeown R.L.* Resource Development, Rural Communities and Rapid Growth: Managing Social Change in a Modern Boomtown // Minerals and the Environment. 1981. № 3.2. P. 47–54.
- Linton R.* Nativistic Movements // American Anthropologist. 1943. № 45. P. 230–243.
- Pryde D.* Nunaga: Ten Years Among the Eskimo. Edmonton: Hurtig, 1971.
- Raines K.* Chaos or Community: Glenn Pool oil boomtowns' struggle for social organization, 1904–1915 // Northeastern Geology and Environmental Sciences. 1997. № 19 (1–2). P. 54–66.
- Stammler F.* Oil without Conflict? The Anthropology of Industrialization in Northern Russia // Behrends A., Reyna S., Schlee G. (Eds.) Crude domination: an anthropology of oil. Berghahn Books. 2013. P. 243–269.
- Stammler F., Wilson E.* Dialogue for Development: An Exploration of Relations between Oil and Gas Companies, Communities, and the State // Sibirica. 2006. № 5 (2). P. 1–42.
- Stammler F., Forbes B.* Oil and gas development in Western Siberia and Timan-Pechora // Indigenous Affairs. 2006. № 2-3. P. 48–57.
- Wallace A.* Revitalization Movements // American Anthropologist. 1956. № 58. P. 264–281.
- Wiget A., Balalaeva O.* Black Snow: Oil and the Khanty of Western Siberia // Cultural Survival Quarterly. 1997. № 20 (4). P. 17–19.
- Wiget A., Balalaeva O.* Khanty, People of the Taiga: Surviving the Twentieth Century. Fairbanks: University of Alaska Press, 2010.
- Бобылев С., Григорьев Л. и др.* Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации 2009: Энергетика и устойчивое развитие. М.: Программа развития Организации Объединенных Наций (ПРООН), 2010.
- Вавер О.Ю.* Анализ социальных конфликтов природопользования в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре // Фундаментальные исследования. 2012. № 11. С. 533–537.
- Итоги Всероссийской переписи населения – 2010: Стат. сб.: в 10 частях. Ч. 1: Численность населения и его размещение в Тюменской области / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области. Тюмень, 2012.*
- Кулемзин В.М.* Медвежий праздник у ваховских хантов // Материалы по этнографии Сибири / Под ред. Н.В. Лукиной и Н.А. Томилова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1972. С. 93–98.
- Кулемзин В.М.* Человек и природа в верованиях хантов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984.
- Кулемзин В.М.* Шаманство Васюганско-Ваховских хантов, конец XIX – начало XX в. // Из истории шаманства / Под ред. Н.В. Лукиной. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1976.
- Кулемзин В.М., Лукина Н.В.* Знакомьтесь: ханты. Новосибирск: Наука. Сибирская издательская фирма, 1992.
- Кулемзин В.М., Лукина Н.В.* Легенды и сказки хантов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1973.
- Кулемзин В.М., Лукина Н.В.* Материалы по фольклору хантов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1976.
- Кулемзин В.М., Лукина Н.В., Молданов Т., Молданова Т.* Мифология хантов. Энциклопедия Уральских мифологий / Под ред. В.В. Напольских. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. Т. 3.
- Логинов В.Г.* Социально-экономическая оценка развития природоресурсных районов Севера. Екатеринбург: Ин-т экономики УРО РАН, 2007.
- Мархинин В.В., Удалова И.В.* Традиционное хозяйство народов Севера и нефтегазовый комплекс: социологические исследования в Ханты-Мансийском автономном округе. Новосибирск: Наука, 2002.

- Нефть, экология, культура* / Под ред. А.А. Сириной, А.А. Ярлыкапова, Д.А. Функа // Этнографическое обозрение. 2008. № 3. С. 3–108.
- ПМА-1 – Полевые материалы авторов*, Сургутский район, лето 1994 г.
- ПМА-2 – Полевые материалы авторов*, Сургутский район, лето 1995 г.
- ПМА-3 – Полевые материалы авторов*, Сургутский район, лето 2010 г.
- Сельское поселение Русскинская* [Электронный ресурс] // Официальный сайт муниципального образования Сургутский район. URL: <http://www.admsr.ru/region/municipalities/10> (дата обращения: 01.02.2014).
- Статус малочисленных народов России: Правовые акты и документы*. М.: Юрид. лит., 1994.
- Вигет Э. Черный снег: нефть и восточные ханты // Очерки истории традиционного землепользования хантов / Под ред. Эндрю Вигета. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1999. С. 201–214.
- Хакназаров С.Х. Компенсационные выплаты в аспекте социологических исследований: на примере Сургутского района ХМАО – Югры // Вестник угроведения. 2011. № 4 (7). С. 106–112.
- Хакназаров С.Х. Природные ресурсы и обские угры. Екатеринбург: Баско, 2006.
- Чиновник.ру* Экспертный информационный канал www.chinovnic.ru [Электронный ресурс]. URL: http://www.chinovnic.ru/novosti/makuscenko_dmitrij_vasilevich_glava_surgutskogo_rajona.htm (дата обращения: 01.02.2014).

Статья поступила в редакцию 12.03.2014 г.

Andrew Wiget, Olga Balalaeva

OIL, MARGINALIZATION AND THE EASTERN KHANTY

Abstract. Petroleum development in Western Siberia has had profound impacts on the Khanty of Surgut region, Khanty-Mansiyski Autonomous Okrug-Iugra. This shift to a legal and economic approach to land tenure and land use, leading to the commodification of land and use rights, has increased Khanty politicization, hastened social disorganization, and promoted consumerism and an emergent classism based on a relative disparity of income from compensation agreements. These effects have been exacerbated by the simultaneous collapse of Soviet structures that formerly organized Khanty life. All this has happened within a generation. Such rapid change scenarios induce a slippage or disjunction between the objective conditions of one's world and one's culturally-shaped predispositions that today is generating a broad-based anxiety among the Khanty, affecting not only the cultural formation of feeling and of morality but also that of intelligibility. The land-based religious practices which buttressed the hunting / fishing / herding economies of the Eastern Khanty have also been undermined, paving the way for effective and divisive proselytizing by Protestant evangelical denominations. Although ideological resistance to acculturative pressures has occasionally erupted in revitalizationist or nativist forms, and Soviet-style programs are being funded to conserve specific cultural elements, it is clear from this rapid change scenario that after millennia of occupancy, Eastern Khanty communities and the cultural formations which, protected by their isolation, have remained more or less intact during the first five decades of the Soviet era, have been irreversibly transformed and are near collapse.

Keywords: Khanty, oil, land, marginalization, rapid change scenario, development anthropology

References

- Ansoff I., McDonnell E. *Implanting Strategic Management*. Upper Saddle River, NJ, Prentice-Hall, 1990.

- Balzer M.M. *The Tenacity of Ethnicity: A Siberian Saga in Global Perspective*. Princeton, Princeton UP, 1999.
- Bourdieu P. *Choses dites* (English version – In Other Words: Essays Towards a Reflexive Sociology). Paris, 1987.
- Kassover J., McKeown R.L. Resource Development, Rural Communities and Rapid Growth: Managing Social Change in a Modern Boomtown, *Minerals and the Environment*, 1981, no. 3.2, pp. 47–54.
- Linton R. Nativistic Movements, *American Anthropologist*, 1943, no. 45, pp. 230–243.
- Pryde D. *Nunaga: Ten Years Among the Eskimo*. Edmonton, Hurtig, 1971.
- Raines K. Chaos or Community: Glenn Pool oil boomtowns' struggle for social organization, 1904–1915, *Northeastern Geology and Environmental Sciences*, 1997, no. 19 (1–2), pp. 54–66.
- Stammler F. Oil without Conflict? The Anthropology of Industrialization in Northern Russia, *Crude domination: an anthropology of oil*, Eds. Behrends A., Reyna S., Schlee G. Berghahn Books, 2013, pp. 243–269.
- Stammler F., Wilson E. Dialogue for Development: An Exploration of Relations between Oil and Gas Companies, Communities, and the State, *Sibirica*, 2006, no. 5 (2), pp. 1–42.
- Stammler F., Forbes B. Oil and gas development in Western Siberia and Timan-Pechora, *Indigenous Affairs*, 2006, no. 2–3, pp. 48–57.
- Wallace A. Revitalization Movements, *American Anthropologist*, 1956, no. 58, pp. 264–281.
- Wiget A., Balalaeva O. Black Snow: Oil and the Khanty of Western Siberia, *Cultural Survival Quarterly*, 1997, no. 20 (4), pp. 17–19.
- Wiget A., Balalaeva O. *Khanty, People of the Taiga: Surviving the Twentieth Century*. Fairbanks, University of Alaska Press, 2010.
- Bobylev S., Grigor'ev L. et. al. *Doklad o razvitií chelovecheskogo potentsiala v Rossiiskoi Federatsii 2009: Energetika i ustoichivoe razvitie* [Report on the development of human potential in the Russian Federation in 2009: energy and sustainable development]. Moscow: Programma razvitiia Organizatsii Ob"edinennykh Natsii (PROON), 2010.
- Vaver O.Iu. Analiz sotsial'nykh konfliktov prirodopol'zovaniia v Khanty-Mansiiskom avtonomnom okruge – Iugre [The analysis of social conflicts in managing natural resources in the Khanty-Mansiysk autonomous region – Yugra], *Fundamental'nye issledovaniia*, 2012, no. 11, pp. 533–537.
- Itogi Vserossiiskoi perepisi naseleniia - 2010: Stat. sb. v 10-ti chastiakh. Ch.1. Chislennost' naseleniia i ego razmeshchenie v Tiimenskoi oblasti* [Results of the National Population Census – 2010: a statistical collection in 10 volumes. Vol.1. The population and its distribution in the Tyumen region], Territorial'nyi organ Federal'noi sluzhby gosudarstvennoi statistiki po Tiimenskoi oblasti. Tiumen', 2012.
- Kulemzin V.M. Medvezhii prazdnik u vakhovskikh khantov [The Bear Festival of Vakhovskiiye Khanty], *Materialy po etnografii Sibiri* [Materials on the ethnography of Siberia], Eds. N.V. Lukina and N.A. Tomilov. Tomsk, Izd-vo Tom. un-ta, 1972, pp. 93–98.
- Kulemzin V.M. *Chelovek i priroda v verovaniiaakh khantov* [Man and nature in Khanty beliefs]. Tomsk, Izd-vo Tom. un-ta, 1984.
- Kulemzin V.M. Shamanstvo Vasiugansko-Vakhovskikh khantov, konets XIX – nachalo XX v. [Shamanism of Vasyugansko-Vakhovskiiye Khanty in the end of the 19th to the beginning of the 20th centuries], *Iz istorii shamanstva* [From the history of shamanism], ed. by N.V. Lukina. Tomsk, Izd-vo Tom. un-ta, 1976.
- Kulemzin V.M., Lukina N.V. *Znakom'tes': khanty* [Meet the Khanty]. Novosibirsk, Nauka. Sibirskaiia izdatel'skaia firma, 1992.
- Kulemzin V.M., Lukina N.V. *Legendy i skazki khantov* [Khanty legends and tales]. Tomsk, Izd-vo Tom. un-ta, 1973.
- Kulemzin V.M., Lukina N.V. *Materialy po fol'kloru khantov* [Materials on the Khanty folklore]. Tomsk, Izd-vo Tom. un-ta, 1976.

- Kulemzin V.M., Lukina N.V., Moldanov T., Moldanova T. *Mifologiya khandov. Entsiklopediya Ural'skikh mifologii* [The Khanty mythology. Encyclopedia of Ural mythologies], Vol. 3, ed. by V.V. Napol'skikh. Tomsk, Izd-vo Tom. un-ta, 2000.
- Loginov V.G. *Sotsial'no-ekonomicheskaya otsenka razvitiya prirodoresursnykh raionov Severa* [The social and economic evaluation of the development of resource regions of the North]. Ekaterinburg, Inst-t ekonomiki URO RAN, 2007.
- Markhinin V.V., Udalova I.V. *Traditsionnoe khoziaistvo narodov Severa i neftegazovyi kompleks: sotsiologicheskie issledovanie v Khandy-Mansiiskom avtonomnom okruge* [Traditional economy of the peoples of the North and oil and gas complex: a sociological study in the Khanty-Mansiysk autonomous region]. Novosibirsk, Nauka, 2002.
- Neff', ekologiia, kul'tura [Oil, environment, culture], Eds. A.A. Sirina, A.A. Iarlykapov, D.A. Funk, *Etnograficheskoe obozrenie*, 2008, no. 3, pp. 3–108.
- PMA–1 – *Polevye materialy avtorov* [Authors' fieldwork materials], Surgutskii raion, leto 1994 g.
- PMA–2 – *Polevye materialy avtorov* [Authors' fieldwork materials], Surgutskii raion, leto 1995 g.
- PMA–3 – *Polevye materialy avtorov* [Authors' fieldwork materials], Surgutskii raion, leto 2010 g.
- Sel'skoe poselenie Russkinkaia, *Ofitsial'nyi sait munitsipal'nogo obrazovaniia Surgutskii raion* [The official website of the Surgut region], Available at: <http://www.admsr.ru/region/municipalities/10/> (accessed: 1 February 2014).
- Status malochislennykh narodov Rossii: Pravovye akty i dokumenty* [The status of small numbered peoples in Russia: legal acts and documents]. Moscow, Iuridicheskaya literatura, 1994.
- Wiget A. Chernyi sneg: nef't' i vostochnye khandy [The black snow: oil and the Eastern Khanty], *Ocherki istorii traditsionnogo zemlepol'zovaniia Khandov* [Essays on the history of the traditional land use by Khanty], ed. by Andrew Wiget. Ekaterinburg, Izd-vo UrGU, 1999, pp. 201–214.
- Khaknazarov S.Kh. Kompensatsionnye vyplaty v aspekte sotsiologicheskikh issledovani: na primere Surgutskogo raiona KhMAO – Iugry [Compensation in sociological research: through the example of the Surgut region (Khanty-Mansiysk autonomous region – Yugra)], *Vestnik ugrovedeniia*, 2011, no. 4 (7), pp. 106–112.
- Khaknazarov S.Kh. *Prirodnye resursy i obskie ugry* [Natural resources and the Ob Ugric people]. Ekaterinburg, Basko, 2006.
- Chinovnik.ru Ekspertnyi informatsionnyi kanal www.chinovnic.ru* [Chinovnik.ru Expert information source], Available at: http://www.chinovnic.ru/novosti/makuscenko_dmitrij_vasilevich_glava_surgutskogo_rajona.htm (accessed: 1 February 2014).